

⁴¹ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Д. 755. Л. 81.

⁴² Там же. Ф. 141. Оп. 1. Д. 17. Л. 384.

⁴³ Там же. Ф. 159. Оп. 1. Д. 755. Л. 70.

⁴⁴ Там же. Л. 73.

⁴⁵ Там же. Л. 72.

⁴⁶ Там же. Л. 74.

⁴⁷ Там же. Л. 72.

⁴⁸ Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частию Азова. Кн. 3. Воронеж, 1853. № ХСVII. С. 13–15.

⁴⁹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 1. Воронеж, 1887. № 10. С. 14.

⁵⁰ Законодательные акты Русского государства второй половины XVI — первой половины XVII в.: Тексты / Подгот. текстов Р. Б. Мюллер. Л., 1986. С. 178.

⁵¹ Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Т. 1. № 20. С. 25.

А. И. Раздорский

**ПРИБОРЫ И НЕДОБОРЫ
ТАМОЖЕННЫХ И ПИТЕЙНЫХ ДОХОДОВ
В ГОРОДАХ ЮГА И ЗАПАДА
ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ В XVII в.**

(по материалам прихода-расходных книг московских приказов)

В сборнике материалов Третьей международной научной конференции «Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.», вышедшем в свет в 2015 г., опубликована наша статья, в которой подробным образом рассмотрены размеры и динамика таможенных и кабацких окладов и сборов в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске в XVII в.¹ В настоящей статье², логически продолжающей предыдущую, проанализированы действия властей в случаях, когда в указанных городах баланс таможенного и кабацкого сбора оказывался относительно оклада положительным (прибор) или отрицательным (недотор). Источниками исследования являлись прихода-расходные книги (далее — ПРК) трех центральных приказов — Разрядного, Посольского и Устюжской четверти.

Недоторы в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске со второй половины 1610-х гг. и до начала 1680-х гг. встречались в целом чаще, чем приборы. По Курску приборы отмечены за 15 лет, в то время как недоторы за 21 год. В 13 случаях курские таможня и кабаки находились на откупе и откупные суммы были внесены в казну в полном размере (еще в двух случаях они были выплачены откупщиками не полностью). По Белгороду приборы зафиксированы только за 9 лет, недоторы же — за 30 лет, еще в 9 случаях таможенные и кабацкие сборы были здесь на откупе. По Можайску с 1618/19 по 1665/66 г. таможенные и кабацкие приборы отмечены за 14 лет, а недоторы — за 21 год (откуп — в 5 случаях и в 1 случае — откупная недоплата). За 14 лет —

с 1666/67 по 1679/80 г. (в эти годы таможенные и кабацкие балансы рассчитывались порознь) — по кабацким доходам в Можайске зафиксированы исключительно недоборы. По таможенным платежам за тот же временной отрезок недоборы отмечены за 3 года, приборы — за 2 года, полная откупная сумма была выплачена за 6 лет, откупная недоплата — за 3 года. По вяземским питейным сборам приборы и недоборы распределились поровну — по 19 лет, откупные суммы полностью были взяты за 4 года, откупная недоплата имела место в одном случае. По таможенным платежам в Вязьме гораздо чаще фиксировался отрицательный результат: приборы — за 7 лет, недоборы — за 20 лет; полностью откупные суммы были внесены за 5 лет, в одном случае отмечена откупная недоплата. За 1665/66 г. баланс по вяземским кабацким и таможенным сборам в отдельности неизвестен, имеются только общие данные по этим сборам в целом — недобор.

В литературе описаны случаи, когда таможенные и кабацкие головы, в период службы которых денежные доходы были собраны с прибором, получали от центральных властей разного рода материальные поощрения. Например, солепромышленник из Балахны Ефрем Добрынин, возглавлявший в 1695 г. Нижегородскую таможенную, а на следующий год находившийся на головстве в Балахне, за учиненную государевой казне прибыль получил вместе со своими товарищами жалованье: пять аршин сукна кармазину и полкосыяка камки³.

О подобных поощрениях голов и целовальников, служивших в Курске, Белгороде, Вязьме и Можайске, в изученных нами приказных ПРК ничего не сообщается. В них нет данных о реакции центральных властей даже в тех случаях, когда таможенные и кабацкие доходы были собраны со значительным прибором. Так, в Белгороде в 1645/46 г. голова М. Болоншин вместе с целовальниками «прибрали» относительно установленного оклада огромную по южнорусским меркам сумму — 2284 руб. 15 коп. Вяземский кабацкий сбор 1653/54 г. превысил показатели предыдущего года более чем на 2 тыс. руб. Нельзя исключать, впрочем, что головы, в период службы которых казна получила существенный доход, были все же каким-то образом поощрены. Однако эти поощрения, возможно, были профинансированы не из денежных средств соответствующих приказов, а из иных источников, и по этой причине не получили отражения в изученных нами приказных ПРК.

Рассмотрим теперь действия властей при возникновении недоборов.

По Курску один недобор отмечен в 1620-е гг., три — в 1630-е, шесть — в 1640-е, семь — в 1650-е, один — в 1660-е и три — в 1670-е.

В десяти случаях центральными властями было предписано по факту недобора провести в Курске сыск (в четырех случаях — «большой повальный обыск»). В ПРК Разрядного приказа (далее — РП) отмечено, что по четырем сыскам итоговые результаты («обыски») были присланы в Москву. В пяти случаях было приказано доправить на голове и целовальниках недоборные деньги, причем за недобор 1638/39 г. следовало править недобор «нещадно», в том числе на выборщиках. Еще в шести случаях сведения о каких-либо действиях властей, предпринятых по поводу недоборов, в источниках отсутствуют.

Полностью недобор был выплачен лишь в трех случаях, причем сравнительно крупная сумма (289 руб. 98 коп.) была внесена лишь однажды (за 1643/44 г.), в двух других случаях должники заплатили менее 1 рубля: 59,5 коп. (за 1654/55 г.) и 10,25 коп. (за 1655/56 г.). Недобор за 1643/44 г. был уплачен в декабре 1646 г., т. е. через два года после завершения службы головы и целовальников, причем в выплате денег участвовали не только местные целовальники (голова в числе плательщиков не назван), но их выборщики⁴. Два других мелких недобора были взяты, по-видимому, непосредственно при отчете голов в Разряде.

Еще в одном случае была выплачена только половина недобранной суммы (за 1637/38 г.). 10 июня 1638 г. на курском голове Т. Тестове со товарищи было приказано доправить недобор в 119 руб. 99,25 коп. «за то, что у них сверх зборных книг в росходе денег и вина написано лишку, а меду приходу не написано»⁵. В октябре 1649 г. строитель Курского Богородицкого монастыря Сергей обратился от имени курского черного и белого духовенства к царю с челобитной, в которой говорилось, что Тестов умер, а недобор правят на целовальниках — церковных и монастырских крестьянах и бобылях, а также посадских людях. В челобитной содержалась просьба освободить их от уплаты недобора. (Надо полагать, что заступничество за должников настоятеля монастыря объяснялось не только соображениями гуманистического характера, но и чисто материальными интересами: в первой половине XVII в. жители курских обельных монастырских слобод активно занимались торговлей и промыслами и составляли, судя по всему, экономически наиболее деятельную часть населения города.) 21 октября последовал указ взять с целовальников половину недобранной суммы (60 руб.), а вторую половину (59 руб. 99,25 коп.) за смертью головы «имать было не велено» (по действующим правилам голова уплачивал 50 % недобора). Указанная сумма тогда же была внесена в казну⁶.

Похожая ситуация повторилась и в следующем году. На курском голове 1638/39 г. Д. Кунакове и его целовальниках было приказано доправить 270 руб. 79,75 коп. недоборных денег. И в этот раз строитель Сергей с братией, протопопами, попами, дьяконами, детьми боярскими и всякими служилыми и жилецкими уездными людьми обратились «всем городом» к царю с челобитной, в которой указывалось: «И в прошлом же, де, в 147-м году в Курску на посаде и в Курском уезде дрова были скудны, и зимнево пути и приезде торговым людем ни с какими товары не было, и кабатцких запасов меду и вина купить было негде. И голова, де, Дмитрий Кунаков с товарищи на кабаке мед и вино покупали отъезжая в иных городех дорогою ценою, а в Курску на кабаке многих питухов не было. Да в Курску ж, де, курские, и белгородские, и чюгуевские, и короченские, и усердские черкасы, и курские стрельцы и казаки, и всякие служилые и жилецкие и уездные люди торгуют всякими товары и хлеб продают и покупают беспошлинно, и голове, де, Дмитрею Кунакову с товарищи в Курску кабатцких и таможенных доходов собрати было не с чевом»⁷. Согласно царскому указу половина недобора была списана, а другую половину (135 руб. 40 коп.) было поручено доправить и на полученные деньги купить в Курске и уезде «на государев обиход» 2000 четвертей ржи. Однако

данную сумму голова и целовальники так и не внесли, в результате чего 3 февраля 1641 г. курскому воеводе М. Г. Козловскому было приказано недобор на голове с целовальниками «правити нещадно, а будет тех денег на Дмитрее Кунакове с товарищи за скудостью доправить немочно и те недоборные деньги велено доправить на курских на выборных людех, которые люди тово Дмитрея и целовальников в прошлом в 147-м году х кабатцкому и к таможному збору выбирали»⁸. На недоборные деньги было вновь поручено 2000 четвертей ржи «в московскую таможенную меру». 26 июля того же года сменивший Козловского новый курский воевода Г. Г. Образцов сообщил в Москву, что целовальники Ф. Крашенинник и Г. Золоторев из Курска сбежали безвестно, сам же голова Кунаков и восемь целовальников находились в городе, но недоборные деньги на них не были доправлены. 27 июля государь курян «пожаловал» и денег «до указа» править с них не велел⁹.

Дважды недоборы списывались из-за разорений, постигших регион в ходе Смоленской войны 1632–1634 гг. и Русско-польской войны 1654–1667 гг. Недобор за 1633/34 г. в размере 190 руб. 49,25 коп. был списан (по-видимому, сразу же) «для литовские войны и для хлебново недороду что во 142-м году хлеб не родился»¹⁰. О причинах недобора 1657/58 г. в размере 129 руб. 1,5 коп. был проведен сыск, в результате которого (как и в других подобных случаях) никаких компрометирующих фактов против головы и целовальников получено не было. В итоге «для нынешнего розоренья» недобор по царскому указу править было «не велено»¹¹.

Для уплаты невыплаченных недоборов за 1642/43 г. (284 руб. 43 коп.) и 1644/45 г. (410 руб. 99 коп.) курянам «для их бедности» на основании царского указа от 22 апреля 1648 г. сначала была дана рассрочка в четыре года¹². Однако и в рассрочку местные жители выплатить (хотя бы частично) недобор не смогли и по указу от 9 марта 1649 г., данному в ответ на челобитную «курчан всяких чинов людей», оба недобора из-за их бедственного положения и татарского разорения края «имать было не велено» (при этом оба раза особо отмечалось, что голова и целовальники находились у сборов «за крестным целованьем»)¹³.

Недобор за 1641/42 г. в размере 133 руб. 68,25 коп. был списан по указу от 22 апреля 1648 г. (т. е. почти через пять с половиной лет после завершения службы головы и целовальников) по челобитной курян из-за их бедности, а также потому, что на откупщика М. Бухтеева, державшего на откупе курские кабаки и таможду в 1639/40 и 1640/41 г., откупная сумма на 1640/41 г. (по которой рассчитывался оклад на 1641/42 г.) была неосновательно установлена в повышенном размере¹⁴.

В июле и августе 1653 г. и в марте 1654 г. были списаны также недоборы за четыре года подряд (за 1648/49, 1649/50, 1650/51 и 1651/52 гг.) на общую сумму 3314 руб. 40 коп. В трех случаях в Москву были присланы результаты сысков, не выявивших каких-либо злоупотреблений (отметок о присылке «обысков» по недобору за 1649/50 г. в ПРК РП нет). Причины списания данных недоборов в документах не приведены, лишь в отношении 1649/50 г. указано, что голова и целовальники собирали деньги «за крестным целованьем».

Известно также, что по поводу недоборов за 1648/49 и 1650/51 гг. куряне направляли челобитные¹⁵.

О причинах недобора в 1652/53 г. на сумму 940 руб. 30,5 коп. курский таможенный и кружечного двора голова В. Беленинов подал в Разряд сказку. В ней он сообщил, что в соответствии с государевым указом в течение 134 дней хлебное вино с кружечного двора питухам не отпускалось, а продажа кислого меда и пива возобновилась только с 17 мая 1653 г. Беленинов указывал также, что в продаже у него было лишь «старое и худое» вино, принятое им у предыдущего головы 1651/52 г. А. Анненкова по завышенной (вопреки оценке ценовщиков) цене — по 1 руб. 40 коп. (вместо 1 руб. 30 коп.). «И от тово, и от хлебново и от хмелевого недороду на кружечном дворе недобор учинился, а они, голова, и целовалники, и дьячок зборными денгами не користовались»¹⁶. 15 июля 1656 г. про недобор приказано было «сыскать большим повальным обыском» и до его результатов недоборных денег править было «не велено»¹⁷. Результаты расследования и принятое властями решение остались невыясненными, поскольку сведения на этот счет содержались в приходных книгах (далее — ПК) РП 1657/58 или 1658/59 гг., которые до нас не дошли. Скорее всего, этот недобор был также списан.

Осталось неизвестной судьба недоборов за 1673/74 г. (219 руб. 76,75 коп.) и 1678/79 г. (45 руб. 75 коп.). Известно лишь, в обоих случаях о причинах недобора было приказано произвести сыск. Недобор за 1673/74 г. числился в недоимке в ПК 1677/78 г.¹⁸ В ПК РП более позднего времени он не значится, как нет и сведений о его уплате. Недобор за 1678/79 г. значился непогашенным в ПК РП 1681/82 г.¹⁹ На голове 1678/79 г. М. Горяинове со товарищи помимо недобора числилось также 12 руб. 45,75 коп. недоплатных денег за вино, мед и воск. В ПК РП 1689/90 г. это недоплата числится в доимке, о недоборных же 45 руб. 75 коп. в этом документе ничего не упоминается²⁰. Похоже, что эти недоборы так и остались невыплаченными.

Наконец, еще о четырех недоборах по Курску (за 1628/29, 1653/54, 1669/70, 1672/73 гг.) в источниках нет никаких сведений.

По Белгороду четыре недобора отмечены в 1620-е гг., два — в 1630-е, семь — в 1640-е, четыре — в 1650-е, шесть — в 1660-е и семь — в 1670-е гг.

По 12 недоборам было приказано провести сыск (в том числе за недоборы в 1648/49 и 1651/52 гг. — «повальный обыск»), при этом указание о присылке «обыска» встретилось в изученных документах лишь однажды — в отношении недобора за 1655/56 г. О причинах недобора за 1666/67 г. было приказано «выписать государю в доклад». Донять недоборные деньги предписывалось в семи случаях (еще в одном случае доправить недобор было поручено после произведенного сыска). По десяти недоборам каких-либо решений, судя по данным ПРК РП, принято не было.

Документально подтверждена выплата только шести недоборов из тридцати: за 1620/21, 1621/22, 1624/25, 1627/28, 1644/45 и 1663/64 гг. Обращает на себя внимание тот факт, что три выплаченных недобора пришлись еще на первую половину 1620-х гг., когда южная окраина Московского государства только-только приходила в себя после разорения в Смуту. При этом только в од-

ном случае размер недобора был незначительным (2 руб. 80,75 коп. за 1627/28 г.). В остальных пяти случаях выплаченные суммы колебались от 112 руб. 38 коп. (за 1624/25 г.) до 259 руб. 84,25 коп. (за 1663/64 г.). Недобор за 1627/28 г. был взят непосредственно при отчете. Разрыв между окончанием срока службы голов и целовальников и уплатой недобора в четырех других случаях составлял от 3,5 месяцев (за 1621/22 г.) до 2 лет 2 месяцев (за 1624/25 и 1644/45 гг.). Сроки уплаты недобора за 1644/45 г. неизвестны. Недобор за 1644/45 г. платили не только представители местной таможенной и кабацкой администрации, но и их выборщики.

Семь недоборов по Белгороду были списаны. Недобор за 1630/31 г. в размере 23 руб. 25 коп. был списан менее через месяц после присылки в Москву с отчетом головы и целовальников по причине их «скудости», а также «потому что они те доходы збирали за крестным целованьем»²¹. Причиной списания недобора за 1633/34 г. (194 руб. 20,5 коп.), как и в соседнем Курске, стали Смоленская война и неурожай: с представителей белгородской таможенной и кабацкой администрации денег «имать» было «не велено», поскольку они собирали их «в правду, безо всякие хитрости, и у збору были безотступно, и недобор у них учинился за войною литовских людей и от хлебно недороду»²². Причины списания недобора за 1641/42 г. в размере 72 руб. 52 коп. остались неизвестными. Про недобор 1647/48 г. (363 руб. 72 коп.) было приказано «сыскать». Однако к 1651/52 г. «обыски» в Москву так и не были присланы. Тогда недобор было приказано править на голове курянинине Г. Надеине и целовальниках-белгородцах. В ответ на это «курчане всяких чинов люди» обратились к царю с челобитной об отмене правежа. Их просьба была удовлетворена: 8 июня 1652 г. недобор «для службы» челобитчиков править было «не велено»²³. Такая же ситуация повторилась и с недобором следующего 1648/49 г. (178 руб. 1 коп.). С целью выяснения причин недобора был объявлен «повальный обыск», который закончился безрезультатно. Не получив из Белгорода никаких сведений по данному вопросу центральные власти приказали править деньги на присланном из Курска на головодство в Белгород Б. Кирсанове и местных жителей целовальниках. И здесь за должников вступились куряне, просившие списать недобор «для их служб и бедности». Как и в предыдущем случае их доводы в столице сочли убедительными и правеж недобора (как с курян, так и с белгородцев) был отменен²⁴. Списание 21 октября 1660 г. недобора за 1655/56 г. в размере 375 руб. 94 коп. мотивировалось случившимся в том году «морovým поветрием» (перед этим был проведен сыск, не выявивший каких-либо злоупотреблений)²⁵. Несколько ранее (17 марта 1660 г.) «для хлебно недороду» был списан и недобор за 1656/57 г. (169 руб. 52 коп.)²⁶.

Судьбу пяти недоборов (за 1642/43, 1643/44, 1649/50, 1651/52, 1652/53 гг.) из-за отсутствия ПРК РП за 1644/45, 1654/55 и 1655/56 гг., в которых, очевидно, содержались данные на этот счет, проследить не удалось. Известно лишь, что недобор за 1642/43 г. (287 руб. 61,5 коп.) было приказано править, поскольку у головы и целовальников «перед приходом в расходе объявился лишек». В ПРК РП 1645/46 г. и в последующих недобор за 1642/43 г. в доимке не значится, т. е. он был либо полностью выплачен, либо (что более вероятно)

списан. Недоборы за 1643/44 г. (260 руб. 87,5 коп.), 1649/50 г. (109 руб. 49,25 коп.), 1651/52 г. (143 руб. 43,75 коп.) и 1652/53 г. (763 руб. 99,5 коп.) значатся в доимке в ПК РП 1653/54 г. (недоборы за 1643/44 и 1652/53 гг. изначально предписывалось доправить), однако в следующей по времени сохранившейся приказной ПК 1656/57 г. они уже не числятся. Надо думать, что в условиях начавшейся к тому времени Русско-польской войны головы, целовальники и их выборщики едва ли могли уплатить эти недоборы, которые, скорее всего, также были списаны.

Двенадцать белгородских недоборов за 1660–1670-е гг. числились к концу 1670-х гг. в недоимке. Совокупный долг по ним составлял 4719 руб. 18 коп. Никаких сведений ни об их уплате, ни о списании в сохранившихся ПК РП не приведено. При этом шесть недоборов, судя по данным ПК РП 1689/90 г., не были выплачены и к началу 1690-х г.: за 1664/65 г. (437 руб. 87,75 коп.) — через 24 года после отчетного срока; за 1666/67 г. (388 руб. 95 коп.) — через 22 года; за 1673/74 г. (550 руб. 96 коп.) — через 15 лет; за 1677/78 г. (251 руб. 24,75 коп.) — через 11 лет; за 1678/79 г. (87 руб. 94,5 коп.) — через 10 лет; за 1679/80 г. (210 руб. 82 коп.) — через 9 лет. Недобор за 1674/75 г. в размере 517 руб. 15,75 коп. значится в недоимке в ПК РП 1693/94 г. При этом недоборы за 1667/68 г. (391 руб. 15,5 коп.), 1668/69 г. (320 руб. 32,5 коп.), 1669/70 г. (645 руб. 56,5 коп.) и 1670/71 г. (810 руб. 24 коп.) числятся в недоимке в ПК РП 1677/78 г., однако в аналогичной книге 1681/82 г. (следующей после 1677/78 г. из сохранившихся) недоборы за указанные годы уже не значатся. По-видимому, по ним все же было принято какое-то решение в промежутке между 1677/78 и 1681/82 гг. (вероятнее всего они были списаны).

В ряде случаев власти, несмотря на сроки давности, все же предпринимали попытки взыскать недоборные деньги. Так, в 1685 г. было решено получить с белгородского головы курского посадского человека А. Скорнякова и белгородских целовальников 106 руб. 94,25 коп. (В ПК РП в недоборе значится сумма в 106 руб. 93,75 коп.), которые они остались должны еще за недобор 1671/72 г. В мае 1685 г. Скорняков был прислан курским воеводой М. А. Голицыным в Белгород, где и уплатил свою долю недобора (повытье) в размере 9 руб. 72,25 коп. (примечательно, что в данном случае голова платил свою долю недобора наравне с целовальниками, а не в размере 50 % общего долга, как это было принято ранее). В июне-июле свои доли в том же размере заплатили пять белгородцев, служивших в 1671/72 г. в целовальниках (А. Селяков, М. Беседин, И. Волосатый, Ф. Кострикин, И. Мряхин, И. Коротаев), а еще за трех целовальников (Ф. Кривчикова, И. Пашнева, Г. Самойлова) повысить заплатили их сыновья (их отцы к этому времени или умерли, или находились в отъезде). Сын еще одного целовальника — Ф. Буловина — солдат Иев Буловин «за скудостью и пожарным разореньем» смог уплатить только 6 руб. и был для уплаты оставшейся части долга поставлен на правож. Несмотря на это недоплаченная Буловиным сумма (3 руб. 71,5 коп.) числилась в недоимке в ПК РП и восемь лет спустя — в 1693/94 г.²⁷

В том же 1685 г. на голове 1677/78 г. белгородце Б. Ребинине и несших вместе с ним службу десяти целовальниках было приказано доправить долго-

вых денег (за «не объявившееся» в казенной продаже ведро вина, за недооценку казенного воска, который следовало продать не по белгородской, а по московской торговой цене, за разницу между приходной и расходной суммами и др.) на общую сумму 60 руб. 18,75 коп. В июне 1685 г. голова, шесть целовальников, а также брат и сын еще двух целовальников внесли свои повытья (каждый по 5 руб. 47,25 коп.). Два других целовальника — З. Ходыкин и И. Безменов (который являлся, по-видимому, ларечным) деньги не внесли (на каждого из них была рассчитана чуть меньшая сумма повытья — по 5 руб. 46,75 коп.). К июню 1685 г. Безменов состоял монахом Белгородского Николаевского монастыря под именем Ионы (время его пострижения в документах не указано). В конце июля он был прислан в белгородскую разрядную избу, но долговые деньги не заплатил, за что и был посажен под караул. Второй должник, Ходыкин, 31 июля 1685 г. подал челобитную государям Ивану и Петру Алексеевичам, в которой утверждал, что в 1680 г. во время нападения на Белгородский уезд крымских татар он вместе с женой, детьми и «со всеми животы» был захвачен в с. Маслова Пристань в полон, в котором провел три года и только в 1683 г. был «окуплен» на крымском посольском размене, жена же и дети «и ныне в Крыму самашеста». Ходыкин жаловался, что его поставили на правож, хотя всей причитавшейся суммы «за скудостью» ему заплатить нечем, поскольку «двор и животы ево в тот приход воинских людей все разорены и позжены, а он с тех мест и по се число волочитца меж двор и кормитца Христовым именем». Челобитчик был готов внести в счет своего повытья только 2 руб., уплату же оставшейся суммы он «за полное ево, и жены, и детей ево терпение» просил отсрочить «насколько они, государи, укажут». В итоге 2 руб. с него были взяты, оставшиеся же 3 руб. 46,75 коп. «для его скудости» до особого указа править было «не велено». В дальнейшем ни монах Иона (бывший целовальник Безменов), ни Ходыкин деньги, по-видимому, так и не заплатили. Во всяком случае их совокупная недоимка в 8 руб. 93,5 коп. числилась непогашенной и в 1693/94 г.²⁸

По Вязме два недобора по питейным сборам зафиксированы за 1630-е гг., четыре — за 1640-е, один — за 1650-е, два — за 1660-е и десять — за 1670-е.

О причинах 13 недоборов было приказано провести сыск (за 1647/48 и 1676/77 гг. — «большим повальным обыском», за 1673/74 г. — «с великим подкреплением»). В ПК Устюжской четверти (далее — УЧ) разных лет отмечено, что про недоборы за 1637/38, 1641/42, 1642/43, 1647/48, 1663/64 и 1664/65 гг. было «сыскано и выписано государю в доклад». Отмечено также, что о причинах недоборов за 1652/53 и 1676/77 гг. «обыски» в Москву были присланы. При этом относительно «обысков» о недоборе 1652/53 г. сказано, что «в столпах всяких дел со 162-го году отписок и обысков не сыскано». О реакции властей на вяземские кабацкие недоборы за 1674/75, 1675/76, 1677/78, 1678/79 и 1679/80 гг. в имеющихся в нашем распоряжении источниках сведений нет.

Ни один из недоборов, судя по сохранившимся ПК УЧ, фактически так и не был выплачен. Недобор за 1675/76 г. был, по-видимому, пересчитан и понижен с 3056 руб. 13,25 коп. (сумма относительно оклада, установленного

исходя из «большого сбора» 1656/57 г.) до 2 руб. 64,25 коп. (сумма относительно сбора предыдущего 1674/75 г.). В ПК Уч 1676/77 г. по поводу недобора 1675/76 г. сказано: «По помете на счетной выписке велено взять на голове. Взяты». Практически нет сомнений в том, что в данном случае речь идет именно о «малом» недоборе относительно сбора 1674/75 г., а не о громадной сумме «большого» недобора относительно оклада 1656/57 г. Об этом косвенным образом свидетельствует тот факт, что в указанной приказной книге оклад на 1675/76 г. приведен против окладов трех лет — 1656/57, 1673/74 г. (в отношении которого в 1674/75 г. отмечен прибор в 225 руб. 79,5 коп.) и 1674/75 г.

Относительно двух недоборов (за 1637/38 и 1678/79 гг.) имеются документальные подтверждения об их списании.

О причинах кабацкого недобора за 1637/38 г. в размере 296 руб. 7 коп. (с учетом недоборанных банных денег — 302 руб. 31 коп.) голова Г. Кобылкин с целовальниками по представлении отчета был подвергнут распросу со стороны дьяка Приказа Уч П. Чирикова. На распросе голова сообщил, что в предыдущие годы (с 1 марта 1633 г. по 1 сентября 1637 г.) вяземский кабак был на откупе и в то время через город сначала к Смоленску, а затем из под Смоленска назад шли «государевы ратные многие люди с Михаилом Шейным» и «после того при них же, откупщиках, было в Вязьме многим ратным и всяким людем осадное сиденье». Это и обеспечивало откупщикам высокий денежный доход от казенной питейной торговли. После того же, как служилые люди покинули Вязьму, откупщики брать снова в аренду местный питейный сбор не стали и он перешел «на веру». «А в прошлом во 146-м году, — продолжал Кобылкин, — в Вязьме прибылых никаких людей не было, а было в Вязьме вяземских стрельцов только пятьсот человек, и ис тех стрельцов триста человек выслано было на государеву службу в Одоев опричь охочих промышленных людей хлебников, и пирожников, и квасников, а вяземским казаком во 146-м году государева жалованья не дано, а кормовых денег дано им меньше прежних лет и нынешняго 147-го году, и потому у них в Вязьме в кабацком и в банном зборе недобор учинился, а кабацкую, де, прибыль и банные денги збирали оне по государеву крестному целованью с раденьем безо всякие хитрости»²⁹.

9 декабря 1638 г. в Вязьму воеводам Ю. П. Буйносову-Ростовскому со товарищи была послана государева грамота о проведении сыска. 22 июня следующего 1639 г. Буйносов-Ростовский доложил царю об его итогах и прислал в столицу «обыски». По свидетельству игумена Вяземского Предтечева монастыря с братией, протопопа соборной церкви, попов и дьяконов приходских церквей, дворян и детей боярских, белозерских помещиков, казачьих есаулов и вяземских посадских людей (всего 107 чел.) голова и целовальники кабацким и баннным сбором «радели безоплошно и будучи у государева дела не пили, и не бражничали, и за своими промыслами не ходили, и во всем чинили в государеве деле безхитростно»³⁰. Вяземские же стрелецкие пятидесятники, казачьи атаманы, есаулы и десятники, пушкари и плотники (всего 103 чел.) сообщили, что «радел или не радел голова» они «не ведают».

Об итогах сыска дьяк Чириков доложил царю, который 4 декабря 1639 г. недобор править не велел, потому что голова и целовальники были у сборов

«за крестным целованьем», а в сыску «обыскные люди» про них «никакова дурна, и воровства, и хитрости не сказали, и ратных прибылых людей в то время перед прошлыми годы в Вязьме не было»³¹.

В 1678/79 г. вяземский таможенный и кабацкий голова С. Парфенов с целовальниками недобрали против «большого» сбора 1656/57 г. 3050 руб. 87,25 коп. (с учетом банных денег). Однако, как и в случае с недобором за 1675/76 г., недобор за 1678/79 г. был пересчитан исходя из сбора предыдущего 1677/78 г. и составил в итоге только 26 руб. 76,75 коп. А поскольку по таможенным сборам у Парфенова со товарищи вышел прибор, то указанную сумму с них по государеву указу править было «не велено»³².

Фактически был списан также кабацкий недобор 1676/77 г. (против «большого» сбора 1656/57 г. — 3053 руб. 1 коп.). В декабре 1677 г. вяземскому воеводе Г. Козловскому была послана грамота о проведении «большого по-вального обыска». 24 июля следующего 1678 г. воевода прислал «обыски», а 28 августа «до государева указа» недобор править было «не велено», «потому что в сыску про кражу таможенных и кружечного двора зборных денег про [голову] Андреянка Чертолина с товарищи никто не сказали и извету в воровстве и хитрости на них ни от кого не было»³³.

Судьба 15 вяземских кабацких недоборов точно не известна. Итоговое решение центральных властей по недобору за 1638/39 г. (139 руб. 35,75 коп.), по которому был объявлен сыск, по-видимому, было вынесено, но запись о нем содержалась, очевидно, в ПК УЧ 1640/41 г., которая не сохранилась (в ПК 1641/42 г. недобор за 1638/39 г. уже не значится). Подобная ситуация повторилась, надо полагать, и с недоборами за 1641/42 г. (744 руб. 4,25 коп.), 1642/43 г. (438 руб. 41,5 коп.) и 1644/45 г. (138 руб. 35,25 коп.). В ПК УЧ 1645/46 г. про первые два недобора сказано, что о них было «сыскано и выписано государю в доклад»³⁴. Про недобор 1644/45 г. в том же документе имеется лишь отметка об объявлении сыска. Судя по всему, решения по всем трем недоборам были приняты и зафиксированы в не дошедшей до нас ПК УЧ 1646/47 г. В приказной же ПК 1647/48 г. указанные три недобора в доимке уже не значатся. Скорее всего, они были списаны.

Семь вяземских кабацких недоборов (за 1647/48, 1652/53, 1663/64, 1664/65, 1671/72, 1673/74, 1674/75 гг.) на общую сумму 14 911 руб. 86 коп. числились в недоимке в ПК УЧ 1676/77 г., однако в аналогичной приказной книге следующего 1677/78 г. они уже не значатся. Как минимум три из них (за 1647/48, 1663/64, 1664/65), а также, возможно, еще один (за 1652/53 г.) были практически наверняка списаны.

7 августа 1673 г. состоялся царский указ, освобождавший от уплаты недоборов таможенных и кабацких голов и целовальников (избранных по 1672/73 г. включительно) в том случае, если за ними в результате проведенных «обысков» не было обнаружено каких-либо злоупотреблений. В ПК УЧ 1674/75 г. об этом говорится следующим образом: «...а про те недоборы против государева указа сыскивано, и в сыску про кражу тех кружечного и таможенного зборов денег на голов и целовальников никто не сказали, и извету в воровстве на них не было ж, и тех недоборов на головах, и на целовальниках,

и на мирских людех не править, и из доимки выложить по особым выпискам. И для того, что головы и целовальники были у тех зборов по выбору градцких и уездных людей, а в выборе писали, что они люди добрые и в зборех верить им мочно. Да сверх того они ж пред святым Евангелием обещались делать истинну, а не красть, и хитрости никакие не чинить, а будет что учинят, и на них наложена клятва. А как они про те недоборы ропрашиваны отчего учинилось, и они по Христове евангельской заповеди сказали, что против самые больших зборов при их седење в розных годах учинились недоборы от безпромыслицы торговых людей, и от хлебных недородов, и от мирской скудости, и от пустоты, а в повальных обысках про них воровства их и хитрости в том зборе ниhto не сказал же. А про которых голов и целовальников о недоборе сыску повального не было, и про тех ссыкивать против прежняго государева указу, и по обыском о недоборе выписывать к великому государю в доклад, и по обыском чинить по сему ж великого государя указу»³⁵.

По вяземским кабацким недоборам за 1647/48, 1663/64 и 1664/65 гг. «обыски», как было указано выше, были присланы (хотя их результаты в документах не приведены), также как и «обыски» о недоборе за 1652/53 г., которые приказные люди, правда, не смогли затем обнаружить. «Обыски» по недоборам за 1671/72, 1673/74 и 1674/75 гг. присланы не были (во всяком случае об этом ничего не говорится в ПК УЧ), но поскольку эти недоборы также не значатся в приказных книгах после 1677/78 г., можно предположить, что они так или иначе тоже были списаны.

О причинах вяземских недоборов по кабацкому и таможенному сборам за 1670/71 г. (соответственно 3061 руб. 48,5 коп. и 536 руб. 93,25 коп.) было приказано «сыскать». Голова И. Ермолин сначала подал сказку, в которой указывал, что в 1656/57 г. «великий государь был в Вязме и стоял со многими своими великого государя ратными людьми многое время», в 1664/65 г. «в Вязме стоял сибирской царевич Алексей Алексеевич со многими ратными людьми», а в 1670/71 г. в городе «было малоллюдно, вяземские рейтара и драгуны были на низу на государеве службе, а приезду в Вязму торговых людей с товары было мало, и хлебной, де, был недород»³⁶. Затем он вместе с целовальниками обратился к царю с челобитной, в которой просил отменить сыск, мотивируя это, в частности, тем, что по сравнению с 1669/70 г. как по кабацкому, так и по таможенному сборам, у них вышел прибор. Просьба вяземичей была удовлетворена: 7 апреля 1672 г. посылать в Вязму сыскную грамоту было «не велено». Фактически это означало списание недобора³⁷.

О взыскании кабацкого недобора за период с 27 марта по 31 августа 1673 г. в размере 1275 руб. 88,25 коп. с головы Г. Поросяткина и несших с ним службу целовальников в царском указе от 2 июля 1673 г. не упоминается.

Про недоборы за 1677/78 и 1679/80 гг. (3053 руб. 26 коп. и 3053 руб. 88,25 коп. соответственно) в ПК УЧ нет никаких известий. Не исключено, впрочем, что эти недоборы (исчисленные против «большого» сбора 1656/57 г.) считались таковыми лишь формально. 28 февраля 1677 г. новый царь Федор Алексеевич подтвердил указ своего отца от 7 августа 1673 г. о таможенных и кабацких недоборах. При этом при расчете окладов предписывалось исхо-

доть как из «больших» сборов, так и из фактических сборов предыдущего года³⁸. По сути дела это означало, что оклад относительно «большого» сбора становился чисто декларативной величиной, а подлинное значение при расчете недобора приобретал размер сбора предыдущего года. Вяземский же кабацкий недобор 1677/78 г. против сбора 1676/77 г. составлял всего 25,25 коп. и был уплачен, вероятно, сразу при отчете (хотя об этом нет записи в ПК УЧ). Что же касается сбора 1679/80 г., то по нему относительно сбора предыдущего 1678/79 г. имелся даже прибор в 13,5 коп.

О причинах девяти вяземских кабацких недоборов в документах приведены объяснения разной степени подробности, данные головами и целовальниками при расспросах в Приказе УЧ. Относительно недоборов 1637/38 и 1670/71 гг. такие объяснения были приведены выше.

Целовальник (по-видимому, ларечный) Т. Карасев, отвечавший перед дьяком УЧ М. Грязевым вместо умершего в сентябре 1643 г. головы Ф. Микитина, среди причин недобора за 1642/43 г. указывал малое число питухов, а также дороговизну сырья для производства питей и постигшее Вяземский уезд моровое поветрие: «...на кабаках питухов было мало, и вино, и мед, и солод, и хмель, и овес на кабаки покупали дорогою ценою, и в Вязьме всяких чинов люди от морового поветрея ужаснулись, и лошадиной падеж был великой, и в то моровое поветрее служивые и всяких чинов люди лошедьми и всякою животиною опали, и от тово оскудали. И около Вязьмы поставлены были заставы, и из уезда и из городов в Вязьму приезжих никаких людей ни с чем не пропускали, и кабацких запасов купить было не у ково. А в прошлых годах в Вязьме на кабаках питухов было много всяких чинов людей, и из городов приезжие люди были многие, и теми многими всякими приезжими людьми государева кабацкая прибыль збиралась»³⁹.

Голова 1644/45 г. А. Мизинцов объяснял недобор дороговизной сырья для производства питей, а также временными ограничительными мерами, введенными на продажу спиртного в период его головства: «покупали они кабацкие запасы вино, и солод, и хмель перед прошлым годом дороже, что в Вязьме судом божьим хлеб позяб, и как, де, мимо Вязьмы к Москве шол литовской посол, и в те, де, поры вяземские кабаки были запечатаны два дни, да о масляной неделе от головы стрелецкого от Микифора Раинского по вяземским кабакам были приставы, чтоб стрельцы не пили, и как, де, вяземским стрельцом давано государево денежное и хлебное жалованье, и как в Вязьме государю крест целовали всяких чинов люди, и в те, де, поры были кабаки запечатаны июля с 17 числа да июля ж по 22-е число, и о том, де, недоборе писали они к государю к Москве не одиножды»⁴⁰.

Голова 1652/53 г. И. Батенин сетовал на запреты и ограничения, установленные в сфере казенной питейной торговли в ходе реализации кабацкой реформы 1652 г.: «велено, де, им вино продавать по указной цене по рублю ведро, и продавано по той цене мая по 1 число, а пива и меду по тож число не продавано, и продавать питье велено в день с третьяго часа, а запирать за час до вечера, а по ночам во весь год питья продавать не велено, и кружечной двор от люди удален, построен за городом, и из Вязьмы служилые многие люди стояли

на заставах по литовскому рубежу, и питухов было мало, и в долг и под заклад питья давать не велено, а на перед сего государева казна збиралась на кабаках потому что продавано вино, и пиво, и мед безпрестанно во весь год в день и в ночь, и в долги и под заклад всяких чинов людям давано, и продавано питье во шти местех»⁴¹.

Кабацкий недобор 1673/74 г. по словам головы И. Колесникова произошел из-за сокращения числа приезжих, а также по причине ухудшения материального положения местных служилых людей: «а на кружечном, де, дворе в Вязме питейной продажи во 182-м году было мало потому город, де, немногочисленной, а приезжих людей было немного, а рейтары де, и драгуны, и иные служилые люди за своими скудостью на кружечном дворе питья покупали не по большому»⁴².

Голова 1671/72 г. В. Зуев в своих объяснениях о причинах недобора почти дословно повторил (приведенные выше) аргументы своего предшественника И. Ермолина (малое число покупателей спиртного по сравнению с 1656/57 и 1664/65 г.)⁴³. Сходная мотивировка недоборов (но в более краткой форме) была предложена также головами 1673 и 1677/78 гг. Г. Поросяткиным и И. Батениным.

По вяземским таможенным сборам один недобор отмечен за 1640-е гг., четыре — за 1650-е гг., пять — за 1660-е гг. и десять — за 1670-е гг.

Про девять недоборов было приказано провести сыск (за 1673/74 г. — «с великим подкреплением», за 1676/77 гг. — «большим повальным обыском»). По двум недоборам (за 1649/50 и 1676/77 гг.) из приказных книг известны результаты сысков (в обоих случаях никаких нарушений выявлено не было). О недоборе за 1664/65 г. было «сыскано и выписано государю в доклад», однако итоги сыска в документах не приведены. Объявленные сыски за 1669/70 и 1670/71 гг. были затем отменены. О том, были ли проведены сыски по недоборам за 1657/58, 1663/64, 1671/72 и 1673/74 гг., имеющиеся в нашем распоряжении источники умалчивают. Недобор за 1662/63 г. было приказано доправить. О реакции властей на десять вяземских таможенных недоборов (1650/51, 1652/53, 1658/59, 1668/69, 1673, 1674/75, 1675/76, 1677/78, 1678/79, 1679/80 гг.) никаких сведений в ПРК Посольского приказа (далее — ПП) и ПК УЧ не имеется.

Как и в случае с кабацкими недоборами, ни один из вяземских таможенных недоборов также не был выплачен. Недобор за период с 26 марта по 1 сентября 1673 г. был пересчитан и понижен с 398 руб. 1 коп. до 4 руб. 90,5 коп. Эту сумму и уплатил голова Г. Поросяткин.

Из приказных книг наверняка известно о списании только одного вяземского таможенного недобора — за 1649/50 г. (383 руб. 95 коп.). В ПРК ПП 1649/50 г. указано: «а отчего у них тот недобор учинился, того в таможенных [так в ркп.] книгах не написано»⁴⁴. В ходе проведенного сыска никаких нарушений со стороны местной таможенной администрации выявлено не было. Проверяющими было установлено, что главная причина недобора заключалась в том, что русские торговцы предпочитали сбывать свои товары не в самой Вязме, а приграничном селе Семлево, находившимся тогда под юрисдикцией

властей Речи Посполитой (данную информацию подтверждают и материалы вяземской таможенной книги 1649/50 г.): «А в обысках написано: учинился, де, в Вязме таможенной пошлине перед откупными годами недобор оттого, что в нынешнем во 158-м году в Вязме русских торговых приезжих людей и литовских купцов и хлебного привозу перед 157-м годом было менши, и из Литвы в село Семлево приезжали торговать жида, а русские приезжие торговые люди в Вязме не торговали, ездили торговать за рубеж к тем жидом. А головино, де, и целовальничье раденье было, и хитрости никакие в том зборе, и кражи, и истери, и оплошки от них не было, и таможными, де, пошлинами они никому не поступались и сами не корыстовались»⁴⁵. В ПРК ПП 1649/50 г. содержится ссылка на память, присланную в Приказ Новгородской четверти в 1648/49 г., в которой отмечено, что согласно царскому указу и боярскому приговору «которые недоборы по сыску учинятца без хитрости, а улики никакие не будет, и тех недоборов не править»⁴⁶. На этом основании править вяземский таможенный недобор было «не велено».

По всей видимости списаны были еще четыре недобора. В «обысках» о недоборе за 1657/58 г. (224 руб. 62,5 коп.) перечислены причины, его вызвавшие: «в прошлом, де, во 166-м году была около Вязмы застава и никаких людей ни с какими товары в Вязму не пропускали, да в том же году на великого государя пеньку покупали безошлинно, и приезжих торговых людей с товары перед прошлыми годы и хлебного привозу в Вязму было мало, а которые всяких чинов торговые люди привозили в Вязму всякие товары и они многие товары отвозили в Дорогобуж, и в Духовщину, и в Смоленск, потому что в Вязме торговать было им не с кем, а в Смоленску государевых пошлин не емлют. А как хаживали мимо Вязмы розных земель послы и посланники, и в то время которые приезжие торговые люди и крестьяне с хлебом в Вязме прилучатца и у них лошади имывали в подводы, и за тем торговые люди и крестьяне с хлебом многижда не езживали, а которые розных городов торговые люди купили пеньку и всякие товары в Вяземском уезде и с тех товаров и з денег у торговых людей пошлину имали в Вяземском уезде в Цареве Займище»⁴⁷. В ПРК 1664/65 г., цитату из которой мы только что привели, также содержится ссылка на память 1648/49 г. о неправеже недоборов, произошедших не от «хитрости» голов и целовальников, а в силу независящих от них причин. В том же документе имеется запись, что 24 октября 1664 г. по помете на выписке думного дьяка Алмаза Иванова тот недобор «на таможенном го[ло]ве и на целовальниках править [пробел] потому что в обысках воровских улик и нерадения на них ниhto не сказал»⁴⁸. Почему в эту запись так и не была внесена фраза «не велено» мы сказать точно не берем, но так или иначе в приказных книгах последующих годов недобор 1657/58 г. в доимке не фигурирует.

По поводу недобора за 1669/70 г., о причинах которого был объявлен сыск, голова М. Блудов с целовальниками подали царю челобитную, в которой просили сыскную грамоту в Вязму не посылать. Челобитчики указывали, что в 1664/65 г. (против которого был исчислен оклад) в Вязме стоял царевич Алексей Алексеевич с полками и в тот год из разных городов в привозе товаров было много, а в 1669/70 г. хлеб в Вяземском уезде «морозом побило»,

а пенька и соль подешевели. При этом они отмечали, что по сравнению с 1668/69 г. у них вышел прибор (в 13 руб. 68 коп.). 22 марта 1671 г. по приказу думного дворянина Ивана Большого Хитрово про недобор «сыскивать и спрашивать» было «не велено», что фактически означало его списание⁴⁹.

Похожая ситуация имела место с недобором следующего 1670/71 г. (536 руб. 93,25 коп.). Было предписано «до государева указу» также не править и недобор 1676/77 г. (509 руб. 18 коп.). (Подробно об этом говорилось выше при рассмотрении вяземских кабацких недоборов).

Информацией о разрешении вопроса с уплатой 14 вяземских таможенных недоборов мы не располагаем. Отсутствие сведений связано в том числе и с происходившими в 1660–1670-е гг. переменами в ведомственной подчиненности Вяземской таможи. Так, недоборы за 1662/63 г. (769 руб. 31,5 коп.; приказано было доправить 366 руб. 50,5 коп. серебром) и 1663/64 г. (299 руб. 57 коп.) числятся неуплаченными в ПРК ПП 1666/67 г.⁵⁰ Доимка по ним осталась за ПП и после передачи вяземского таможенного сбора в Приказ УЧ в январе 1665 г. (поэтому в ПК УЧ они не фиксировались). Однако следующая после 1666/67 г. ПРК ПП относится только к 1681/82 г. То есть данные об уплате или списании недоборов за 1662/63 и 1663/64 гг. если и имелись, то были приведены в недошедших до нас ПРК ПП. Аналогичным образом обстоит дело и с недобором за 1668/69 г. в размере 551 руб. 68,25 коп. (в это время вяземский таможенный сбор снова ведался ПП).

Четыре недобора (за 1664/65, 1671/72, 1673/74, 1674/75 гг.) на общую сумму 1984 руб. 64,25 коп. числятся в недоборе в ПК УЧ 1676/77 г. (т. е. срок недоимки по ним составлял от 1 до 11 лет). В ПК УЧ 1677/78 г. они уже не зафиксированы. Недобор за 1664/65 г. (240 руб. 66 коп.), сыск по которому был проведен и «обыски» в Москву присланы, был, судя по всему, списан во исполнение указа от 7 августа 1673 г. По-видимому, также списаны были и три других недобора.

Еще по семи недоборам (за 1650/51, 1652/53, 1658/59, 1675/76, 1677/78, 1678/79, 1679/80 гг.) ни в ПРК ПП, ни в ПК УЧ никаких сведений об их уплате или списании обнаружить не удалось.

По восьми вяземским таможенным недоборам в источниках имеются объяснения голов.

Про недобор 1663/64 г. голова И. Батенин при расспросе в ПП сообщил, что он учинился оттого, что «было в Вязме от литовских людей тревожное время и сидели в осаде, и в то, де, время с товары торговых людей в приезде было мало, да в том же, де, году была с них пятинная деньга, а которые, де, торговые приезжие люди в Вязме с товары и были, и те, де, многие товары свои отвозили в Смоленск на продажу ратным людем, а в прошлых, де, годех таких тревог не было и торговые, де, русские и литовские люди торговали все в Вязме, а ныне, де, таких торгов в Вязме нет, а Вяземской, де, уезд дворцовые волости на откупу к Цареву Займищу и всякие пошшины платят в Цареве Займище, а прежде сего Вяземской уезд дворцовые волости пошшину платили в Вязме»⁵¹.

Причины недобора 1671/72 г. по версии головы В. Зуева и ларечного В. Барышова заключались в малом числе торгующих, в то время как ранее через Вязьму постоянно происходили перемещения войск. Кроме того, начальствующие должностные лица Вяземской таможни указывали, что во второй половине 1650 — начале 1660-х гг. сборы велись в медной монете. «В прошлых годах ходили в миру медные деньги и служивые люди ходили мимо Вязьмы почасту, для того и зборы были большие, да в прошлом же, де, во 165-м году великий государь был в Вязьме и стоял со многими своими великого государя ратными людьми многое время и потому, де, в таможне [и] на кружечном дворе и збор был большой, а во 173-м году в Вязьме стоял сибирской царевич Алексей Алексеевич со многими ж ратными людьми, потому в таможне и на кружечном дворе и збор был большой, а ныне, де, в Вязьме малоллюдно, питухов было мало и на гостине дворе приезжих торговых людей с товары было мало ж и взять великого государя пошлин против прошлых годов было не с чего, а сверх, де, иных годов у них есть и прибор»⁵² (относительно 1669/70 г. в 1671/72 г. было прибрано 3 руб. 16,75 коп., относительно 1670/71 г. — 2 руб. 9,75 коп.).

Голова 1673/74 г. И. Колесников и ларечный П. Шевелев в своих объяснениях вновь повторили ставшие к тому времени уже традиционными аргументы про «ратных людей», которые шли в прошлые годы через Вязьму, принося дополнительные доходы в казну, а также сообщили о значительном снижении числа торгующих в городе, переориентации товарных потоков в Смоленск и Дорогобуж (данная информация в полной мере подтверждается вяземскими таможенными книгами) и расширении торговли в дворцовых селах Вяземского уезда, в которых и уплачивалась значительная часть таможенных сборов: «были [в 1655/56 и 1656/57 гг.] «в Вязьме ратные многие люди и шли великого государя на службу, и в тех, де, годех таможенной пошлины за многолюдством со всяких товаров збору было много, а на кружечном дворе питья в продаже и денежной казны в зборе было много. А против иных, де, годов недоборы в таможне и на кружечном дворе учинились потому в тех, де, в прошлых годах были к ним в Вязьме приезжие торговые люди из Великого Новагорода, с Вологды, и из Ярославля, и из ыных городов с солью, и с рыбою, и с ыкрою, и с сельдми, и с ыными многими товары, и хлебного привозу было много, и те привозные всякие розные товары и хлеб продавали на денги в Вязьме и меняли на товары ж, и с того збирывалась таможенная пошлина, а на кружечном дворе в продаже всякого питья за многолюдством бывало много ж. А в прошлом, де, во 182-м году в Вязьму из Великого Новаграда, и с Вологды, из Ярославля и из ыных городов с солью, и с рыбою, и с ыными товары, и с хлебом приезжих торговых людей никою не было, а проезжают, де, торговые люди со всякими товары в Дорогобуж и в Смоленск мимо Вязьмы. А ныне многие торговые проезжие люди торгуют в Вяземском уезде в государевых дворцовых селех: в селе Сычовках, да в Шуйском, и в Тесове, и в тех селех с тех товаров великого государя и пошлины платят»⁵³.

Голова 1677/78 г. И. Батенин объяснял недобор снижением числа торгующих в зимние месяцы из-за постоянных оттепелей: «в Вязьме в приезде с товары торговых людей было мало и зима стояла малое время, всё была теплынь»⁵⁴.

Уменьшением числа торгующих и снижением объемов поступающих на местный рынок товаров объясняли таможенный недобор 1679/80 г. голова Т. Барышников и ларечный Е. Иванов: «торговым людем с товары привоз был малой, и соли на пеньку не меняли, да и привозу, де, соли было малое число как бывает привоз торговым людем с товары»⁵⁵.

О причинах таможенных и кабацких недоборов за 1669/70 и 1670/71 речь шла выше.

По Можайску за период с 1619/20 по 1665/66 г. один таможенный и кабацкий недобор зафиксирован за 1610-е гг., пять — за 1620-е, четыре — за 1630-е, четыре — за 1640-е, три — за 1650-е, четыре — за 1660-е гг.

О причинах 11 недоборов было приказано «сыскать». Относительно сысков по поводу недоборов за 1626/27, 1628/29, 1630/31, 1634/35, 1637/38, 1640/41 и 1646/47 гг. имеются указания на присылку в Москву «обысков» и подаче выписок из них государю в доклад. О причинах недоборов за 1656/57, 1657/58 и 1663/64 гг. были проведены «повальные обыски». О реакции властей на девять недоборов сведения в обследованных источниках отсутствуют.

Недобор за 1647/48 г. в размере 12 руб. 28,25 коп. было приказано доправить. 19 января 1649 г. указанная сумма была уплачена (в УЧ собранные деньги вместе с таможенной и кабацкой книгой были представлены за месяц с небольшим до этого — 17 декабря 1648 г.).

Кроме этого, за время с 1619/20 по 1665/66 г. документально подтверждена уплата еще одного недобора — за 1662/63 г. Сбор таможенных пошлин в указанном году превысил оклад (исчисленный из показателей предыдущего 1661/62 г.) на 293 руб. 39,5 коп. По питейным же доходам случился недобор в 376 руб. 6,25 коп. Было предписано «можайской таможенной прибор... заменить кружечного двора в недобор», т. е. общая сумма недобора составила 82 руб. 66,75 коп. Данную сумму приказано было пересчитать из меди на серебро: «А толко тот недобор за медные денги положить против государева указу и сказок торговых людей по росчету серебряными деньгами за пятнадцать рублей медных серебряными по рублю». В итоге окончательная сумма недобора составила 5 руб. 51,25 коп. серебром. Ее и уплатил в серебряной монете голова В. Тимофеев⁵⁶.

За рассматриваемый период было списано восемь можайских таможенных и кабацких недоборов. По семи из них были проведены сыски, итоги которых были направлены в столицу.

Недобор за 1625/26 г. в размере 348 руб. 22,25 коп., сыск по которому не объявлялся, править было «не велено», «для того, что в прошлом в 133-м году в Можайску в таможене и на кабаке збор был велик для многих прибыльных людей, которые были у городского дела, а в 134-м году в Можайску у городского дела перед прошлым годом каменщиков, и кирпичников, и всяких деловцов было меньше, да и от городского дела отделали рано и пошли из Можайска июля в 5-м числе»⁵⁷.

Списанию по результатам сысков, не выявивших каких-либо нарушений, подверглись и недоборы 1626/27 г. (112 руб. 62 коп.)⁵⁸, 1628/29 г. (11 руб. 46,25 коп.) и 1630/31 г. (145 руб. 92,25). В «обысках» по недобор 1628/29 г.

говорилось, что «голова и целовальники будучи на кабаке не пили, и не бражничали, и о таможенном и о кабацком зборе радели»⁵⁹, а про представителей местной таможенной и кабацкой администрации 1630/31 г., несших службу «за крестным целованьем», «в обыскех... некоторые хитрости и никакова воровства не сказали»⁶⁰. Решения о списании недоборов принимались в этот период сравнительно оперативно. Так, указ о списании недобора за 1626/27 г. последовал 10 августа 1629 г., а о недоборе за 1630/31 г. — 3 июня 1633 г.

Про недобор 1634/35 г. (46 руб. 46,75 коп.) был проведен сыск, в ходе которого ничего криминального также обнаружено не было. В докладной выписке царю указывалось: «обыскные всякие многие люди сказали: у Можайсково таможенново и у кабацково головы у Василья Жеравкина... недобор... учинился потому, что того году в Можайску государевых прибылых ратных и торговых никаких людей из городов в Можаяск с товары приезду не было, и хлеб, де, в том году был дороже прошлых лет, а голова Василей Жеравкин с товарищи будучи у государева у таможенново и у кабацково збору не пили, и не бражничали, и за своими промыслы не ходили, и государевым таможенным и кабацким збором радели»⁶¹. Несмотря на это, голова и его выборщики — члены Суконной сотни, по приказанию дьяка УЧ П. Чирикова были поставлены на правож. 30 ноября 1636 г. староста Суконной сотни Юрий Федоров и «все тяглецы» подали в Приказ УЧ челобитную, в которой указывали, что в 1633/34 г. таможенные и кабацкие сборы в Можайске были на откупе и что откупщик откупил их «дорогою ценою для проезду многих ратных людей, а как, де, учинилось мирное постановление и ратные люди из Можайска отпушены и откупщики, де, тое можайскую тамгу и кабак за дарововью отказали»⁶². Посланный же на головство в Можайск член Суконной сотни В. Жеравкин «государеву таможенную пошлину и кабацкую прибыль збирал по государеву крестному целованью в правду и радел неоплошно». Недобор же, по словам челобитчиков, учинился оттого, что «в Можайску ратных людей никого и приезду никоторого не было, а хлеб, де, купили дорогою ценою, а тутошние можайские жильцы оскудели, потому что во 142-м году в Можайску дворы и лавки погорели и от того разоренья многие разбрелися»⁶³. Староста Суконной сотни со товарищи просили недобор на них не править: «а по его, де, царьской милости где таким разореньем государеве казне недоборы бывали и по обыском, де, на верных головах не правят, чтоб им от таких недоборов вперед в конец не погинуть и государевых служеб не отбыть»⁶⁴. Чириков доложил о челобитье суконщиков царю, который 1 июля 1637 г. указал о списании недобора.

Недобор за 1637/38 г. достиг уже 468 руб. 75 коп. При расспросе в Приказе УЧ перед дьяком Чириковым голова Ю. Оралов сказал, что «в Можаяск торговым людем с товары приезду и мимо Можайска проезду, а на кабакех, де, питухов было мало, да из Можайска ж, де, перед прошлым 145-м годом служилых людей убьло сто человек стрельцов, а посланы, де, те стрельцы на государеву службу в Вязьму з женами и з детьми, а которые, де, в Можайску люди небольшие, и те от хлебные дороговли оскудали, а торжишка, де, у них малые, и государевых, де, таможенных пошлин збирати было не с чево, а на

кабакех, де, тож было пить некому, и от того, де, что из Можайска служилых людей убыло и от хлебные дороговли в таможенном и в кабацком зборе перед откупом и недобор учинился, а он, де, голова Юрьи Оралов с товарищи, будучи у таможенно и у кабацкого збору, не пили, и не бражничели, и во всем государю радели, и промышляли неоплошно в правду по его государеву крестному целованью»⁶⁵. 9 декабря 1638 г. в Можайск к губному старосте Ивану Карсакову была послана государева грамота о проведении сыска. «Обыскные люди» общим числом 343 чел. — можайские беломестные атаманы, есаулы, десятники, рядовые казаки, стрелецкие пятидесятники и рядовые стрельцы, пушкари, воротники и ямщики (243 чел.), шесть попов и 65 посадских людей Ильинской слободки, два старосты и 27 крестьян Ильинской слободки и Лужецкого монастыря — подтвердили слова Оралова, отметив, что он сам и целовальники будучи у сбора «не пили, и не бражничели, и за своими торгами не ходили, и государевым таможенным и кабацким збором радели, и на кабаке и в таможе были беспрестанно». 89 «обыскных людей» (поп Лужецкого монастыря, монастырские, дворцовые и помещичьи крестьяне) сказали, что о причинах недобора они «не ведают»⁶⁶. Слушав докладную выписку царь 20 декабря 1639 г. указал недобор на Оралове и целовальниках не править, поскольку в «обысках» про них «никакова дурна, и воровства, и никакие хитрости не сказали, а учинился, де, у них недобор бес хитрости от хлебные дороговли, а проезжих и ратных людей и питухов мало»⁶⁷.

Про можайский таможенный и кабацкий недобор 1640/41 г. (118 руб. 46 коп.) дьяк Мина Грязев 29 августа 1644 г. докладывал царю. В результате проведенного сыска каких-либо нарушений проверяющие не нашли. Было установлено, что основная причина недобора заключалась в оттоке из города приезжих работников, занимавшихся строительством и ремонтом в Можайской крепости и Лужецком монастыре. В результате государь недобор править не велел, поскольку «обыскные люди» про голову И. Иванова сказали, что он будучи у сборов «искал прибыли, а хитрости ево никакие в государеве таможенном и кабацком зборе не было, а недобор у него учинился потому, что в прошлом во 149-м году перед 148-м годом из городов в Можаяск торговых людей с товары мимо Можаяска ездили мало и питухов на кабаке было скудно, а в прошлом во 148-м году было в Можайску городское башенное каменное дело, и в Лужецком монастыре делали церковь, и около монастыря ограду, и в том году было прибылых людей каменщиков, и плотников, и ярыжных много, и на кабаке питухов потому ж было много ж, а что он, Игнатей, з государева кабацково питья цены збавил для скорые продажи, и в том ево государь пожаловал, тех збавочных денег за то кабацкое збавочное питье на нем, Игнатье, с товарищи править не велел, потому что он у того ево государева таможенно и кабацково збору был за ево государевым крестным целованьем и тот таможенной и кабацкой збор положон был на него»⁶⁸.

За 1646/47 г. по таможенному и кабацкому збору в Можайске было недобрано 183 руб. 11,75 коп. Как и в предыдущих случаях, по данному факту состоялся сыск, но на этот раз по его итогам недобор было приказано доправить на голове Г. Аверкиеве. Чем объясняется это решение точно не известно.

О каких-либо нарушениях и злоупотреблениях, допущенных головой, в ПК УЧ ничего не сообщается. Можно предположить, что Аверкиев был поставлен на правеж из-за того, что в период его пребывания на головстве в кабацком сборе за счет «недопойных денег, закладного платья и всякого закладу» образовалась недоимка в 258 руб. 26,5 коп. за спиртные напитки, отпущенные «питухам» в долг⁶⁹. Ее выплата по частям растянулась на несколько лет. В 1652/53 г. Аверкиев обратился к царю с челобитной, в которой писал, что на нем и «на всей Суконной сотне» правят недоборные деньги, и он в тех деньгах «живот свой мучит за приставом» шестой год, «з женою и з детьми сам шесть скитаецца меж двор, и кормясь имянем Христовым, и помирают голодною смертью наги и боси». После этого челобитчик был государем «пожалован» и снят с правежа⁷⁰.

Окончательные решения властей по 11 можайским таможенным и кабацким недоборам в имеющихся в нашем распоряжении источниках не отражены. О трех недоборах (за 1619/20, 1620/21 и 1621/22 гг.) нет вообще никакой информации. Известно лишь, что их размер был весьма значителен (соответственно 1156 руб. 71,5 коп., 1004 руб. 88 коп. и 1219 руб. 72 коп.). Едва ли они были выплачены.

О причинах недобора за 1638/39 г. (19 руб. 43,75 коп.) имеются объяснения, данные «у выписи» в Приказе УЧ дьяку П. Чирикову головой К. Петровым и целовальником (видимо, ларечным) Б. Оносыным. По их словам недобор учинился оттого, что «хлебу был недород, и хлеб, и хмель был дорог, и на кабаке питухов было мало, а торговые, де, люди в Можаяск с товары не приезжали и проезжих людей с товары мимо Можайска было мало, таможенных пошлин збирать было не с ково, а они, де, о государеве таможенной пошлине и о кабацкой прибыли радели и государеву таможенную пошлину и кабацкую прибыль збирали в правду по его государеву крестному целованью бес хитрости»⁷¹. Был объявлен сыск, однако его результаты, как и принятое властями итоговое решение о судьбе недобора, остались неизвестными, так как ПК УЧ 1640/41 г., в которой они были приведены, не сохранилась. В приказной ПК 1641/42 г. недобор за 1638/39 г. не зафиксирован, т. е. он были либо выплачен, либо, что более вероятно, списан.

По той же причине отсутствуют данные о недоборе за 1645/46 г. (73 руб. 64 коп.). ПК УЧ 1646/47 г. до нас не дошла, в книге же 1647/48 г. недобор за 1645/46 г. не числится.

Шесть можайских таможенных и кабацких недоборов (за 1652/53, 1656/57, 1657/58, 1663/64, 1664/65, 1665/66 гг.) на общую сумму в 2024 руб. 43,5 коп. значатся в недоимке в ПК УЧ 1679/80 г., т. е. срок их неуплаты составлял к тому времени от 13 до 26 лет. Относительно недоборов за 1656/57, 1657/58 и 1663/64 гг. имеются указания о проведении «повальных обысков», однако их результаты остались неизвестными.

За период с 1666/67 по 1679/80 г. в Можайске отмечено 14 кабацких недоборов на общую сумму 14 117 руб. 23 коп. Из них уплачен, правда, в пересчитанном и многократно пониженном размере, был только недобор за 1672/73 г. Относительно «большого» сбора 1653/54 г. недобор за 1672/73 г.

составил 1093 руб. 95,25 коп. Можайский кабацкий голова Т. Цвилев был допрошен «чтоб он про то сказал правду». По его словам недобор произошел из-за малого числа «питухов», а также оттого, что «город Можайской малолюдной, а служилых людей во 181-м году никого мимо Можайска не шло, да у них же, де, в Можайску бывает на Петров и Павлов день на питье продажа большая и в тот, де, день во 181-м году питейной продажи не было, потому что, де, в тот день божиим изволением была гроза, гром и молния болшая, побивало людей и дворы жгло»⁷². 1 ноября 1673 г. дьяки Ларион Иванов и Семен Дамашнев приказали доправить недобор против сбора 1671/72 г. в размере 3 руб. 20 коп., «а 162-го году збор не пример, потому что мимо Можайска шли полки государевых ратных людей»⁷³.

Кабацкий недобор за 1666/67 г. (628 руб. 81,5 коп.) по неизвестной причине сразу не был внесен в доимку и грамота о проведении сыска была послана в Можайск только в июле 1671 г. 24 августа того же года можайский воевода Н. Воейков прислал в столицу «обыски». Подвергшиеся опросу местные жители (посадский староста и семь посадских людей, шесть пушкарей, ямской староста и семь ямщиков, четыре отставных казака, восемь причетников можайской соборной церкви Николы Чудотворца) по «Христовой евангельской непорочной заповеди» сообщили, что в Можайске «малолюдно и питухов было мало» и «мимо Можайска ратных людей проезду не было», в то время как в 1653/54 г. «великий государь шел со многими ратными людьми мимо Можайска и потому на кружечном дворе и збор был», а голова и целовальники «за своими торги и промыслы не ходили, и сами на кружечном дворе безденежно и сродников и друзей своих не поили, и к себе и к друзьям всякого питья и запасов не имали, и над денежною казною и надо всякими кабацкими запасы никакие хитрости и воровства не было, и в деньгах и в питье меж ими попреку не слыхали»⁷⁴. Опрошенные можайские стрельцы подтвердили, что в городе было «малолюдно», а в ответ на вопрос про «хитрость» и «воровство» со стороны головы и целовальников сказали, что они того «не ведают»⁷⁵. В итоге недобор был списан.

Десять можайских кабацких недоборов за период с 1666/67 по 1679/80 г. (за 1667/68, 1668/69, 1669/70, 1670/71, 1671/72, 1673/74, 1674/75, 1675/76, 1677/78, 1678/79 гг.) на общую сумму 10 412 руб. 37,25 коп. числятся в недоимке в ПК УЧ 1679/80 г., т. е. срок неуплаты по ним составлял от 1 до 12 лет. Недобор за 1679/80 г. (1042 руб. 40 коп.) записан в ПК УЧ 1679/80 г. Про недоборы за 1669/70, 1671/72, 1673/74, 1675/76, 1679/80 гг. было приказано «сыскать большим повальным обыском», про недобор за 1677/78 г. — провести сыск. Однако результаты этих мероприятий в ПК УЧ не приведены.

О причинах пяти недоборов в документах приведены объяснения голов. Так, голова 1669/70 г. В. Цвилев, помимо обычных для вяземских и можайских голов 1660–1670-х гг. ссылок на движение через город служилых людей в годы Русско-польской войны, обеспечивавшим рост продажи питей, отметил неблагоприятное влияние природных факторов, приведших в удорожание винокуренного сырья (в 1668/69 г. «хлеб позяб», а в 1669/70 г. случился хлебный недород), а также «моровое поветрие», от которого «город запустел»⁷⁶.

Голова 1671/72 г. Ф. Иванов, также повторивший про проходившие через город войска, указал на негативные последствия демпинга в питейной торговле, применявшегося откупщиками в расположенном неподалеку от Можайска дворцовом селе Борисове: в 1654 г. «великого государя поход был под Смоленск с ратными людьми, а в ыных годех, в которых приборы были не в один год, и в тех годех на службу великого государя в польские города царевич сибирской и бояря с ратными людьми шли мимо Можайска, и питухов тогда было много, и для того в тех годех и зборы были велики, а в прошлом, де, во 180-м году по указу великого государя ис приказу Болшого дворца отдан был вновь в Верейском уезде в дворцовом селе Борисове кабак на откуп, а тот, де, кабак от Можайска в семи верстах и на тот, де, кабак можайчи посацкие и уездные люди отъезжая покупали вино в ведра, и в полуведра, и в чем для того, что на том кабаке вино откупщики продавали дешевою ценою, а был, де, тот кабак на откупу с сентября месяца по февраль и оттого, де, в Можайску винной продаже помешка была большая»⁷⁷.

Головы 1677/78 и 1678/79 гг. Т. Цвилев и Ю. Григорьев недоборы объясняли недостаточным числом «питухов», «малолюдством» города и тем, что служилых людей «никого мимо Можайска не шло»⁷⁸.

Недобор за 1679/80 г. таможенный и кабацкий голова М. Тютин объяснял снижением числа покупателей спиртного, упадком материального благосостояния жителей и оттоком местных служилых людей: «А на кружечном, де, дворе питухов было мало, потому что можайчи посацкие люди от многих податей оскудали и одолжали, а можайские стрелцы и всяких чинов служилые люди были на службе великого государя, и пить было некому»⁷⁹.

О кабацком недоборе за 1676/77 г. (939 руб. 69 коп.) в ПК УЧ никакой информации обнаружить не удалось.

За период с 1666/67 по 1679/80 г. в Можайске зафиксировано три таможенных недобора: за 1666/67 г. (1 руб. 31 коп.), 1673/74 г. (4 руб. 26,25 коп.) и 1679/80 г. (43 руб. 32 коп.). Несмотря на незначительные размеры недоборы за 1666/67 и 1673/74 гг. по крайней мере до конца 1670-х гг. так и не были выплачены (при этом недобор за 1673/74 г. приказано было доправить). Оба они числятся в недоимке в ПК УЧ 1679/80 г. По поводу недобора за 1679/80 г. голова Тютин сообщил, что «торговым людем з городов с товары приезде было мало, а вереичи посадцкие люди ни с какими товары в Можаяеск не ездили, и на пенку против прошлых лет покупки не было, и на соль пенки не меняли, а з дворцовых волостей с торгу пошлину збирал вязмятин Ивашко Парфенов, а з прошлых, де, годех с тех дворцовых волостей блячивали пошлину в Можайску»⁸⁰. Про недобор приказано было «сыскать большим повальным обыском», однако его результаты остались неизвестными.

Таким образом, большинство недоборов по четырем рассматриваемым городам так и остались невыплаченными. В одних случаях головы и целовальники, которые не были уличены в «воровстве» и «хитрости», были освобождены от их уплаты по различным уважительным причинам (войны, неурожай, пожары, эпидемии, значительное падение торговых оборотов, резкое сокращение клиентуры питейных заведений и др.). Зачастую достаточным поводом для

списания недобора служил сам факт честного несения службы «за крестным целованьем». В других случаях недоборы формально не списывались, но центральные власти, по сути дела, закрывали на них глаза, так как взыскать многотысячные долги из-за неплатежеспособности голов, целовальников и их выборщиков было физически невозможно. Некоторые такие недоборы числились в недоимке многие годы и даже десятилетия, однако никаких мер для их получения не предпринималось.

В то же время, в отношении взимания других долгов, не связанных с окладными недоборами и возникшими в период службы голов и целовальников по разным причинам («недоплатные» деньги за переданные сменщикам кабацкие запасы, «недовозные» деньги за не доставленные в срок в Москву таможенные и кабацкие сборы, «недопойные» деньги за алкогольные напитки, отпущенные в долг и др.) центральные власти действовали гораздо жестче, настаивая на их неукоснительной выплате должниками.

Примечания

¹ *Раздорский А. И.* Таможенные и кабацкие оклады и сборы в городах юга и запада Европейской России в XVII в. (по материалам приходо-расходных книг московских приказов) // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.*: Сб. материалов Третьей междунар. науч. конф. (г. Коломна, 24–26 сент. 2013 г.). Т. 1. Коломна, 2015. С. 44–65.

² В основу статьи положен сокращенный и незначительно измененный текст, вошедший в нашу монографию, опубликованную в конце 2017 г. (см.: *Раздорский А. И.* Головодство и откуп: Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке: (по материалам приходо-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг). М., 2017. С. 57–86).

³ *Беляева В. Н.* Добрынины — династия купцов и солепромышленников города Балахны XVII — начала XVIII в. // *Торговля, купечество и таможенное дело в России в XVI–XIX вв.* Т. 1. С. 146.

⁴ РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 305. Л. 36–36 об.

⁵ Там же. Кн. 292. Л. 62.

⁶ Там же. Кн. 293. Л. 41–42.

⁷ Там же. Л. 44 об.–45.

⁸ Там же. Кн. 297. Л. 42–42 об.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Кн. 289. Л. 35.

¹¹ Там же. Кн. 320. Л. 13.

¹² Там же. Кн. 306. Л. 31 об.

¹³ Там же. Кн. 307. Л. 33–33 об.

¹⁴ Там же. Кн. 306. Л. 31.

¹⁵ Там же. Кн. 98. Л. 10, 11, 14; Кн. 102. Л. 15.

¹⁶ Там же. Кн. 102. Л. 18 об.

¹⁷ Там же. Кн. 107. Л. 10.

¹⁸ Там же. Кн. 210. Л. 254.

¹⁹ Там же. Кн. 137. Л. 188.

²⁰ Там же. Кн. 13. Л. 105 об.

²¹ Там же. Кн. 282. Л. 71–72 об.

- ²² РГАДА. Ф. 210. Денежный стол. Кн. 289. Л. 66 об.
- ²³ Там же. Кн. 99. Л. 26–26 об.
- ²⁴ Там же. Л. 29–29 об.
- ²⁵ Там же. Кн. 107. Л. 31; Кн. 321. Л. 21 об.
- ²⁶ Там же. Кн. 320. Л. 26 об.
- ²⁷ Там же. Кн. 6. Л. 25–26.
- ²⁸ Там же. Л. 34–37.
- ²⁹ Там же. Ф. 137. Устюг. Кн. 43. Л. 131 об.–132.
- ³⁰ Там же. Кн. 45. Л. 75.
- ³¹ Там же. Л. 77.
- ³² Там же. Кн. 238. Л. 263.
- ³³ Там же. Кн. 228. Л. 245.
- ³⁴ Там же. Кн. 72. Л. 127, 128.
- ³⁵ Там же. Кн. 208. Л. 358 об.–359.
- ³⁶ Там же. Кн. 193. Л. 268 об.–269.
- ³⁷ Там же. Л. 272–272 об.
- ³⁸ Там же. Кн. 238. Л. 264 об.–265.
- ³⁹ Там же. Суздаль. Кн. 2. Л. 106 об.–107.
- ⁴⁰ Там же. Устюг. Кн. 72. Л. 129–132 об.
- ⁴¹ Там же. Кн. 111. Л. 145 об.–146.
- ⁴² Там же. Кн. 208. Л. 360–361.
- ⁴³ Там же. Боярские книги. Кн. 26. Л. 373 об.–374.
- ⁴⁴ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 11. Л. 16.
- ⁴⁵ Там же. Л. 16–16 об.
- ⁴⁶ Там же. Л. 17.
- ⁴⁷ Там же. Ф. 137. Посольский приказ. Кн. 1. Л. 402–402 об.
- ⁴⁸ Там же. Л. 402 об.
- ⁴⁹ Там же. Устюг. Кн. 188. Л. 173 об.
- ⁵⁰ Там же. Ф. 138. Оп. 2. Кн. 15. Л. 20, 21.
- ⁵¹ Там же. Ф. 137. Посольский приказ. Кн. 1. Л. 411 об.–412.
- ⁵² Там же. Боярские книги. Кн. 26. Л. 373 об.–374.
- ⁵³ Там же. Устюг. Кн. 208. Л. 360–361.
- ⁵⁴ Там же. Кн. 226. Л. 257.
- ⁵⁵ Там же. Кн. 239. Л. 221.
- ⁵⁶ Там же. Кн. 154. Л. 130–130 об.
- ⁵⁷ Там же. Кн. 12-а. Л. 39.
- ⁵⁸ Там же. Кн. 14. Л. 24 об.
- ⁵⁹ Там же. Кн. 16. Л. 139.
- ⁶⁰ Там же. Кн. 21. л. 26.
- ⁶¹ Там же. Кн. 36. Л. 45.
- ⁶² Там же.
- ⁶³ Там же. Л. 45 об.
- ⁶⁴ Там же. Кн. 36. Л. 45 об.
- ⁶⁵ Там же. Кн. 43. Л. 124 об.
- ⁶⁶ Там же. Кн. 45. Л. 69–71.
- ⁶⁷ Там же. Л. 73 об.
- ⁶⁸ Там же. Суздаль. Кн. 2. Л. 95–96.
- ⁶⁹ Там же. Устюг. Кн. 86. Л. 92.
- ⁷⁰ Там же. Кн. 104. Л. 85–85 об.
- ⁷¹ Там же. Кн. 45. Л. 144–148 об.

⁷² РГАДА. Ф. 137. Устюг. Кн. 204. Л. 271.

⁷³ Там же. Л. 272 об.

⁷⁴ Там же. Кн. 188. Л. 112.

⁷⁵ Там же. Л. 112 об.

⁷⁶ Там же. Л. 249.

⁷⁷ Там же. Боярские книги. Кн. 26. Л. 353 об.

⁷⁸ Там же. Устюг. Кн. 226. Л. 295–295 об.; Кн. 238. Л. 293 об.–294.

⁷⁹ Там же. Кн. 239. Л. 231–231 об.

⁸⁰ Там же.

В. Б. Перхавко

ИЗ ИСТОРИИ СУКОННОЙ СОТНИ: ИСТОКИ, СОСТАВ, СТАТУС И ЗАНЯТИЯ

История Суконной сотни изучена гораздо хуже, чем двух служилых государевых торговых корпораций более высокого статуса-чина (гостей и Гостиной сотни)¹. Поиск разрозненной информации о входивших в нее торговых людях требует сплошного просмотра многочисленных русских письменных источников XVII в.: коллективных челобитных представителей купеческой среды, жалованных грамот купцам, описаний торговых рядов, вкладных книг, синодиков и др. Реконструированные списки гостей, торговых людей Гостиной и Суконной сотен 1601/1602, 1626–1627, 1632, 1647, 1649, 1653 гг. изданы Т. Б. Соловьевой и Д. М. Володихиным².

Истоки Суконной сотни. Точное время появления Суконной сотни установить пока не удастся, но ее староста наряду с гостями и старостой Гостиной сотни участвовал в Земском соборе 1598 г., поэтому можно уверенно предположить, что учреждение этой служилой торговой корпорации произошло в период правления царя Федора Иоанновича (1584–1598). До возникновения Суконной сотни в Москве, Калуге, ряде других городов существовали «суконничьи дворы». В крепости Коломны в 1577–1578 гг. «суконничьех было восемь дворов», в том числе «двор суконнич Семена Борисова сына Синего Зуба», «да три места припускные были суконничьи же» (Петра Терентьева, Дениса Першина, Третьяка Козлова, Ивана Татева, Ивана Елизарова, Семена Исакова, Третьяка Сермяжникова), которые занимали владельцы других дворов³. Кое-кто из суконников и владельцев суконничьих дворов мог стать членом Суконной сотни, но вопрос о взаимосвязях двух этих групп купечества остается открытым.

В одном из документов середины XVI в., включенном в копийную книгу Троице-Сергиева монастыря XVII в., назван «староста суконничих дворов»⁴. Эта должность, возможно, существовала и раньше. Неизвестно, правда, была ли она выборной либо на нее назначали власти. В Богоявленском переулке Москвы в середине XVI в. находился «двор суконщика Лобана Иванова сына Слизнева» площадью почти 400 кв. сажен⁵.